

Дашиева Лидия Даниловна
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
dashieva2006@yandex.ru

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА ЗАСТОЛЬНЫХ ПЕСЕН ЗАПАДНЫХ БУРЯТ

Аннотация: В статье впервые рассматриваются типичные интонационные формулы припевов застольных песен западных бурят. Музыкальный анализ лексики застольных песен *archiin duunuud* осуществлен на материале полевого исследования автора и нотных образцах из сборника бурятских народных песен Д. С. Дугарова «Песни западных бурят».

Ключевые слова: застольная песня, интонационная формула, припев, западные буряты.

Dashieva Lidiya Daniilovna
The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

MUSICAL LEXIS OF THE DRINKING SONGS OF WESTERN BURYATS

Abstract: In the article, typical intonational formulas of choruses of Western Buryat drinking songs are considered for the first time. The musical analysis of the vocabulary of the drinking songs *archiin duunuud* is based on the material of the author's field research and musical samples from the collection of Buryat folk songs by D. S. Dugarov "Songs of the Western Buryats".

Key words: drinking song, intonational formula, chorus, Western Buryats.

Традиционное музыкальное искусство бурят представляет несомненный научный интерес как исторический и культурный феномен народной музыки не только Сибири, но и мировой системы культур. Особую актуальность приобретает исследование обрядовых песен, транслирующих живую песенную традицию и репрезентирующих уникальный раннефольклорный пласт традиционной музыкальной культуры бурят.

Музыкально-стилевая система песенной культуры бурят, вероятно, во многом формировалась под воздействием культуры соседних монгольских и тюркских этносов, что весьма существенно проявилось в специфике музыкально-диалектных различий. В настоящей статье впервые в отечественной и бурятской этномусикологии обрядовые песни западных бурят рассматриваются в русле целостной этнокультурной традиции, включающей историко-этнографический, культурологический и музыкально-диалектный аспекты. И хотя в современной культуре западных бурят многие обрядовые элементы, как и сами обряды, уже безвозвратно утрачены, и имеют место неизбежные ассимиляционные процессы, связанные, в том числе, с влиянием русского языка и русских музыкальных традиций, отметим все же сохранность, хотя и относительную, обрядовой песенной культуры западных бурят.

В бурятском этномузыкознании до сих пор не исследованы обрядовые песни триады жизненного цикла (родинной, свадебной и похоронной традиций), а также весьма мало исследованы песни застольной и танцевальной традиций. Поэтому актуальность изучения музыкальной лексики народных песен западных бурят очевидна. Анализ музыкального языка, безусловно, способствует выявлению имманентного смысла музыкального текста в целом.

Целью настоящей статьи является интонационный анализ образцов застольной песенной традиции западных бурят в локальных группах *эхирит-булагатов* и выявление типичных интонационных формул (далее – ИФ) припевов *дабталга* застольных песен в ангемитонных ладах¹ западнобурятской песенной традиции. Думается, результаты анализа выявят сходство и различия ИФ названных локальных традиций и позволят подтвердить наше мнение об историческом и культурном генезисе мелоса западных бурят.

В отечественном музыкознании уже достаточно давно разработана методика интонационного анализа, основанная на теории интонации Б. Асафьева, в которой сформулировано определение: «музыкальная интонация – это осмысление звучаний уже сложившихся в систему точно зафиксированных памятью звукоотношений: тонов и тональностей» [Асафьев, 1930, с. 180]. В отечественной этномусикологии в трудах И.И. Земцовского, Е.В. Гиппиуса, Ф.А. Рубцова, А.М. Мехнецова, Г.В. Лобковой и др. получили развитие принципы интонационного анализа, применимые к восточнославянскому музыкальному материалу.

В бурятском этномузыкознании вследствие неразработанности интонационной проблематики и, прежде всего, наличия богатейшего и разнообразного интонационного содержания западнобурятских народных пе-

¹ Припевы застольных песен западных бурят в гемитонных ладах нами не были обнаружены.

сен, выявление ИФ представляет некоторую сложность. Однако в результате анализа синтагматики обрядовых песен как «системы закономерного соединения, сочетания единиц, (уровней – Л.Д.) и категорий» [Банин, 2006, с. 388], представляется возможным выявление наиболее типичных ИФ застольных песен западных бурят [Дашиева, 2016, с. 89].

В настоящей статье считаем целесообразным употребление понятия «интонационная формула»² для обозначения устойчивого интонационного оборота, связанного с инвариантностью структуры. ИФ представляет собой стабильные мелодические последования, имеющие ясную звуковысотную и ритмическую организацию. Причем для интонационного анализа избраны припевы *дабталга* западнобурятских застольных песен *архиин дуунууд*.

Избрание именно припевов не случайно. По мнению Д. С. Дугарова, в припевных словах «заключены и законсервированы рудименты древнейших религиозных верований и определенные историко-этнографические реалии» [Дугаров, 1991, с. 92]. Припевы были традиционными и, очевидно, в глубокой древности имели важный сакральный смысл. Поэтому именно в припевах кроется ключ к пониманию не только семантического, но и раннефольклорного музыкально-интонационного содержания обрядовых песен западных бурят. Безусловно, нужно отнестись к ним с большим вниманием и интересом. Известно, что припевы отличаются большой сохранностью и устойчивостью мелодических оборотов с закрепленными словесными текстами. Если в запеве вербальные тексты, и естественно, мелодии с течением времени менялись, трансформировались, то припевы, как правило, сохраняли словесную и интонационную структуру и оставались относительно неизменными.

Обратимся к анализу ИФ застольных песен *архиин дуунууд* в стиле коротких песен *богони*, которые представляют собой, как было сказано выше, стабильную последовательность двух или нескольких тонов. ИФ имеют отчетливо выраженную звуковысотную и ритмическую организацию.

Представим образцы двухзвучного припева (*дабталга*) застольных песен *булагатов*. В двухстрочном припеве реализуется ИФ с полуратоновой секундой (далее – п/т.2) девятисложной структуры анапеста в первой мелостроке и семисложной – во второй (см. НП № 1). В припеве *архиин дуун* вербальный текст отличается устойчивостью за исключением замены инициального *Ай-доо* на *Элеэ* в другом образце (НП № 2). Припевное слово *Ай-доо* и есть имя верховного божества громовержца Ая [Дашиева, 2017, с. 238, 244]³:

Пример 1

Дабталга:

Ай - доо най и - ги - лөөн хо - ро - шо

А - ял - гайн - саар но - лээ яас.

Пример 2

Э - лээ (на) и - ги - лөөн хо - ро - шо

Образцы *архиин дуунууд булагатов* относятся к наиболее раннему пласту застольной песенной традиции западных бурят. По-видимому, они семантически связаны с древними обрядовыми песнями *ай дон дуунууд* и репрезентируют раннефольклорный обрядовый слой песенной традиции *булагатов*.

² Понятие «формула» (лат. *formula* – «форма, образец, вид») применяется во многих областях научного знания и является своего рода научной терминологической универсалией. Известно, что понятие формульности, сложившееся в гуманитарных науках, и в особенности в сфере литературоведения и музыковедения используется в исследованиях, посвященных изучению традиций устного народного творчества. Применение термина «формульность» при изучении именно устных культур обусловлено наличием в этих культурах особого типа текста и специфики его функционирования [Ильина, 2004, с. 14-15].

³ В традиционном песенном фольклоре западных бурят часто используются припевные слова *ай доо*, *ай дон*, *ай донэ* и др. от которых происходит этническое название обрядовых песен *ай дон дуунууд* (*ай донэ дуунууд*). Проведем параллели с обрядовыми песнями удмуртов, например, в их свадебных песнях часто присутствуют припевные слова рефрены *ай дой*, *дой*, *дой* [Нуриева, 2014, с. 116]. Вероятно, в этих припевных словах отражалась семантика образа языческого верховного божества, являющегося центром Вселенной [там же].

В настоящее время обрядовый контекст застольных песен давно уже утрачен. Однако, вероятно, двухзвучная ИФ с закрепленным припевным текстом *Ай-доо(най)* свидетельствует о раннефольклорных обрядовых корнях застольных песен *арсиин дуунууд булагатов*. В застольных же песнях других западнобурятских этнолокальных групп – *эхиритов* и *хонгодоров* отсутствуют двухзвучные ИФ, базирующиеся на п/т.2 – их нет ни в наших полевых материалах, ни в сборнике Д.С. Дугарова «Песни западных бурят» [Дугаров, 1980], ни в аудиоколлекции фонофонда ИМБТ СО РАН. Однако они присутствуют в шести образцах *эхорных* напевов, сопровождающих бурятский круговой танец *эхор (ёхор)*. Причем ИФ застольной *арсиин дуун булагатов* идентична вариантам *эхиритского* напева одной из локальной жанровой разновидности *ай-дуусай*.

Рассмотрим трех-четырёхзвучные ИФ припевов западнобурятских застольных песен *архиин дуунууд* типичных ладовых архетипов: $D^1-f^1-g^1$ (3-2); $D^1-f^1-g^1-a^1$ (3-2-2). Одним из самых распространенных и до сих пор бытующих припевов застольных песен *эхиритов* является двухстрочный припев:

hanaan yagaab(a) hanuuzhan daa,   Есть память у нас, чтобы помнить,
hanahan xoinoo, ezh shadaxab(a) yasy.   Если вспомним, ещё (значит) можем.

Этот типичный припев с весьма устойчивым вербальным текстом присутствует не только в застольных *архиин дуунууд*, но и в обрядовых песнях *эхиритов хотондоо хаагдахада дуунууд*, связанных с родинной песенной традицией и обрядом *хотондоо хааха* («закрыть в стайке»), а также в образце старинной *эхиритской ёхорной* песни № 182 из сборника Д.С. Дугарова «Песни западных бурят» [Дугаров, 1980, с. 192].

Необходимо отметить особенность этого двухстрочного припева – интонационную вариантность в застольных песнях *эхиритов*.

В результате анализа образцов застольных песен из сборника Д.С. Дугарова «Песни западных бурят» [там же], авторских нотировок застольных песен и архивных аудиозаписей, выявлено семь ИФ припевов *архиин дуунууд эхиритов*. Автором статьи установлено, что первые три ИФ *эхиритских* песен функционируют с закрепленным вербальным текстом – *hanaan yagaab hanuuzhan daa, hanahan xoinoo, ezh shadaxab(a) yasy* («Есть память у нас, чтобы помнить, если вспомним, ещё, значит, можем»), 4-ая ИФ – *Весёло байна* («Веселье есть»), 5-ая ИФ – *Сэнтэй(н) араху* («Дорога водка»); 6-ая ИФ – *Уиуда халтагай* («Выпьем половину»); 7-ая ИФ – *Дуулаад ябаһан* («Есть голос»):

Пример 3

1.

2.

3.

4.

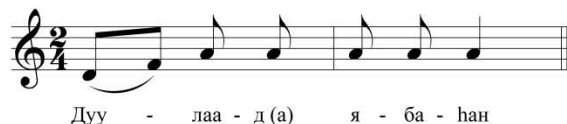
5.

6.

7.

Особо подчеркнем, что первые три ИФ припевов с закрепленным вербальным текстом «*hanaan yaгааб hanуужандаа, hanaһан хойноо, ещѐ шадахаб(а) яась*» (Есть память у нас, чтобы помнить, если вспомним, ещѐ, значит, можем) характеризуют застольную песенную традицию *эхиритов*, проживающих в селах Ольхонского, Эхирит-Булагатского, Баяндаевского районов Иркутской области [ПМА, 2008, 2009, 2012]. 5-ая ИФ, 6-ая ИФ и 7-ая ИФ с закрепленными и незакрепленными припевными текстами – застольную традицию *эхиритов* Качугского, Ольхонского и Баяндаевского районов Иркутской области [там же]. Кроме того, 7-ая ИФ характеризует песенную традицию *эхиритов* из Кабанского, Курумканского и Баргузинского районов РБ [Дугаров, 1980; ПМА]. Что касается 4-ой ИФ с припевным текстом *Весѐло байна* (Веселье есть), то такая ИФ свойственна для застольной песенной традиции не только *эхиритов*, но и *булагатов* из Боханского (села Хохорск, Тараса, Красная Буреть) и Осинского районов (Каха-Мольта, Каха-Онгой, Обуса, Бурят-Янгуты) Иркутской области [ПМА, 2009, 2011].

Таким образом, сходство ИФ застольных песен *булагатов* и *эхиритов* наблюдается в идентичности интонационных формул. Что же касается застольных песен *хонгодоров*, то здесь необходимо продолжить исследование запевов *архиин дуунууд*, ведь в застольной песенной традиции *хонгодоров* совсем отсутствуют припевы. Подтверждением их отсутствия могут послужить образцы застольных песен *хонгодоров* из сборника Д.С. Дугарова «Песни западных бурят», в котором не обнаружено ни одного примера *архиин дуунууд* с припевом *дабталга*. Однако припевы имеют место в *ѐхорных* песнях *хонгодоров*,

Таким образом, застольная песенная традиция западных бурят представляет собой устойчивую многопластовую систему, в которой органично функционируют обычаи, обряды, песни, транслирующие нравственные и духовные ценности бурятского народа. Еѐ дальнейшее изучение представляет немалый интерес в контексте бурятской фольклористики, этномузыкологии и музыкознания в целом, но также может способствовать постановке и решению некоторых актуальных этнографических, исторических и культурологических проблем.

Литература

- Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. М.: Музгиз, 1930. 191 с.
- Банин А.А. Методология лингво-музыкального анализа музыки устных традиций // Первый всероссийский конгресс фольклористов: сб. докладов. Т. II. М., 2006. С. 385–406.
- Дашиева Л.Д. Интонационные модели застольных песен архиин дуунууд западных бурят // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург, 2016. № 11(53). ч. 2. С. 88-91.
- Дашиева Л.Д. Обрядовая песенная традиция западных бурят. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2017. 448 с.
- Дугаров Д. С. Бурятские народные песни. Песни западных бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1980. 280 с.
- Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М.: Наука, 1991. 300 с.
- Ильина С.В. Ритмические основы традиционного песенного творчества волжских татар и чувашей: к проблеме формульности: дис. ... канд. искусствоведения. Чебоксары, 2004. 162 с.
- Нуриева И.М. Удмуртская музыкально-песенная традиция: специфика жанрообразования и функционирования: дис. ... докт. искусствоведения. Ижевск, 2014. 415 с.

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ РОДА ХУРХУТ (ПО ФОЛЬКЛОРНЫМ ДАННЫМ)

Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.192.1.4. Миф и история в фольклоре и литературе бурят и русских сибиряков: универсалии и специфика, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310268-2)

Аннотация: В статье рассматривается этногенез бурятского рода хурхут. Привлекаются оригинальные, во многом архаичные, генеалогические мифы и легенды о происхождении этого рода, свидетельствующие об его автохтонных этнических корнях. Судя по фольклорным данным, особенно по тотемистическим мифам, исследованным автором, хурхуты относятся к наиболее древнему пласту этнических образований на территории Саяно-Приангарья.

Ключевые слова: буряты, этногенез, генеалогические легенды, предания, мифы, фольклор, присаянский регион.

Dugarov Bair Sonomovich
The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

TO THE ORIGIN OF THE CLAN HURHUT (ACCORDING TO FOLKLORE DATA)

Abstract: The ethnogenesis of the Buryat Khurkhut clan is considered in the article. Original, largely archaic, genealogical myths and legends about the origin of this clan are evidenced, which testify to its autochthonous ethnic roots. Judging by the folklore data, especially in the totemic myths studied by the author, the Khurkhutas refer to the oldest layer of ethnic formations on the territory of the Sayano-Priangarye.

Key words: Buryats, ethnogenesis, genealogical legends, myths, folklore, prisayansky region.

Буряты, населяющие присаянский регион, представляют собой крупную этническую группу, занимающую особое место на этнографической карте Бурятии. Они, живя в горных условиях Присаянья и географической отдаленности, сохранили в своей этнокультурной традиции элементы древней бурятской материальной и духовной культуры, связанной с тюрко-монгольским наследием Центральной Азии и Южной Сибири. В связи с этим привлекает внимание и сам этногенез присаянских бурят, чья этническая история является определяющей для этнокультурной характеристики рассматриваемого региона.

Родо-племенной состав присаянских бурят отличается широкой представленностью различных этнических групп, органично связанных с бурят-монгольским миром. Об этом, прежде всего, свидетельствует история хонгодоров, самого большого этнического образования, чьи родовые подразделения охватывают Тункинский, Окинский, Закаменский районы Бурятии и Аларский район Иркутской области и служат своего рода стержнем, объединяющим присаянский регион.

К числу известных в Присаянье этнических образований относится род тэртэ, основным территориальным сосредоточием которого являются села Торы, Зун-Мурино, Шанай, а также с. Жемчуг в Тункинском районе, где они подразделяются на два подрода: ноёд и даланша. Есть тэртэ в Оке и Закамне, где имеются свои подроды: у первых – даланша-тэртэ, долоонгууд, ноёд, шоошхой, донгойд [Дугаров, 1983, с. 92-93], у вторых – ехэ, бага, шагнаан, зодбо, маалинха [Галданова, 1992, с. 29]. Помимо того, тэртэевцы проживают по долинам нижнего течения Иркуты, Китоя, т.е. по левобережью Ангары. Примечательно, что их расселение соответствует данным русских письменных источников XVII – XVIII вв. [Токарев, 1939, с. 113]. Действительно, тэртэ – один из видных родов, играющих важную роль в общем этногенезе бурят присаянского региона.

К числу автохтонных бурятских родовых образований следует, на наш взгляд, отнести род шошолок, в чьих преданиях прослеживается мотив родства с хонгодорами и хори-бурятами. По всей вероятности, род шошолок относится к числу древних обитателей Саяно-Приангарья, о чем свидетельствует культ тотемной прародительницы лебеди, относящийся к ранним формам верований и рельефно сохранившийся в шаманских призываниях шошолоков.

Также исконно бурятским этнообразованием и сугубо региональным, охватывающим Присаянье и его приангарскую часть, является род хурхут. Особой архаичностью отдает легенда о происхождении этого ро-

да, содержание которой вкратце сводится к следующему. Однажды одна миловидная девушка испунулась в воде. Когда она выходила на берег, подплыл огромный таймень и хлестнул ее плавниками, отчего та забеременела. Разродившись сыном, мать спрятала младенца под большим камнем (*хур шулуун*). От слова *хур* и происходит название хурхууд [Дугаров, 1993].

Такова народная этимология этнонима хурхут, связанная с древнейшим мотивом петрогенезиса («рождение из камня»), восходящего, по мнению немецкого монголоведа В. Хайссига, к мифологии каменного века. Этот мотив чрезвычайно распространен в Центральной Азии, многие эпические герои (например, монгольский Хан Харангуй, ойратский Хэцуу Бэрх, бурятский Шонхой Мэргэн) имеют происхождение из камня, что в конечном счете связано с культом родовой горы, олицетворявшей в древности материнское начало. С другой стороны, тотемным первопредком хурхутов называется таймень (бур. *тула*). В мифологии бурят рыбе отводилось особое место как опоре, плавающей в первичном океане. Сходное представление существует у саяно-алтайских тюрков (алтайцев). Ср.: *гутаар* (налим), считающийся тотемной рыбой у бурят эхиритского племени.

Уместно привести и бытующую у окинских бурят легенду о гигантском таймене с красными плавниками (*улаан залаата тула*) – своего рода царь-рыбе, до сих пор «обитающей» где-то в глубинах горных рек. Согласно другой окинской легенде, в тайменя (он считается самой крупной из рыб в саянских водоемах) превратился некий богатырь из воинства Гал Дулмэ-хана, подстреленный во время поединка одним из баторов Гэсэра. Даже указывают место, где это произошло – озеро Хухэ-нур в Окинском районе. Подобная локализация сюжетов о мифическом таймене в Саяно-Приангарском регионе подтверждает автохтонность происхождения самой генеалогической легенды хурхутов. Архаичность же ее не вызывает сомнения, так как рыба связана с водным пространством – первоэлементом вселенной и источником самой жизни. Также она в мифопоэтическом плане является позитивным символом плодородия, сексуальной силы и плодовитости [Тресиддер, 2001, с. 316].

Также древностью отдает легенда о происхождении рода уляаба, который считается ответвлением рода хурхут. Ниже приводится эта легенда, записанная мной летом 1968 г. от Л.Н.-Д. Галсанова, уроженца с. Зун-Мурино Тункинского района. Уляаба появились сначала в Торах. Было так. Случилось, что одна женщина из рода хурхут забеременела и с наступлением родов ушла в лес, где благополучно разрешилась младенцем мужского пола. Боясь разоблачения, она оставила в лесу у осины (*уляахан*) свое дитя. На другой день проходил по лесу человек и обнаружил мальчика. Он несказанно обрадовался и решил младенца усыновить, так как сам был бездетный. Возвратившись домой, он первым делом подумал, как назвать малыша. В те времена имена детям давали по каким-либо бытовым явлениям, названиям предметов. Ребенок, найденный под осиной (*уляахан*), получил имя Уляаба со следующей приговоркой:

<i>Уляахан модоной хүнды соо байратай</i>	С местопребыванием в дупле осины
<i>Уулин шубууни гарбалтай Уляаба.</i>	Происходящий от совы Уляаба.

От этого мальчика и пошел род уляаба.

Есть аларский вариант, указывающий на ойратское (олетское) происхождение рода уляаба:

<i>Уули шубуун эсэгэтэй</i>	Имеющий отцом сову,
<i>Өөлэд басаган эхэтэй,</i>	Матерью – девушку олетку,
<i>Уляахан модон үлгэтэй Уляаба.</i>	С осиновой колыбелью Уляаба.

[Балдаев, 1960, с. 324].

Эти две бурятские генеалогические версии перекликаются с мифологическим сюжетом о происхождении Одун Бадын тайши – первопредка дурбетских и джунгарских княжеских родов и в целом дурбэтского племени. Согласно западно-монгольской легенде, под деревом нашли колыбель и в ней ребенка. А на этом дереве сидела птица ули, вследствие того и говорят:

<i>Урун модон Эцигтай,</i>	Имеющий отцом Урун дерево,
<i>Ули шибо эхитай</i>	матерью – птицу Ули (сову)
<i>Одун Бадын тайши.</i>	Одун Бадын тайши.

Люди взяли ребенка, воспитали и потом сделали царем [Потанин, 1883, с. 326, 327].

Также близко к вышеприведенным легендам предание, бытующее у ойрат-монгольского рода хойт, чья генетическая (не только фонетическая) связь с хотогойто считается установленной [Пурэвжав, 1970, с. 21-23; Очир, 2001, с. 129-130]. Приводим содержание этого предания.

Однажды Йобогон-мерген охотился и встретил красивую девушку; он взял её в жены, но та в отсутствии мужа завела ещё связь с Бо-ханом или Бо-нойоном, который был князем, занимавшимся волшебством. До возвращения Йобогон-мергена жена его родила сына и, услышав о возвращении мужа, положила ребенка

под дерево, где его и нашел настоящий его отец Бо-хан. Он дал ребенку имя Улинда-Будун, потому, во-первых, что нашел его во время дурной погоды (будун), и во-вторых, что над ребенком порхала ушастая сова (*уули шубуун*) [Потанин, 1883, с. 326, 327, 872-373].

Ключевым мифонимом, объединяющим западно-монгольские и бурятские легенды, является птица Ули – сова, выступающая в качестве прародителя или прародительницы. Следующий общий момент – дерево и дупло, эквивалентом которого в дурбэтской легенде служит колыбель у основания дерева. Резонно предположить, что все эти четыре генеалогических предания имеют единый в далеком прошлом источник, намекающий на определенную связь рода уляба (хурхут) с предками ойратов, в том числе хотогойто. При этом надо иметь в виду, что ойраты, согласно «Сокровенному сказанию монголов», прежде относились к числу лесных народов, ареал расселения которых охватывал Хубсугул и Саяно-Алтайское нагорье.

Относительно племенной принадлежности хурхутов у ученых существуют разные мнения. Одни относят их к булагатам [Абашеев, 1965, с. 4], другие полагают, что это род пришлый, примкнувший позднее к булагатам. Вместе с тем география расселения хурхутов показывает, что они исторически тяготеют к Саяно-Приангарскому региону. Так, из данных русских источников явствует, что они были, несомненно, бурятами и к приходу русских в Прибайкалье (XVII в.) «жили вместе с примыкавшими к хонгодорам родами – шошолоками и тэртэ исключительно на левобережье Ангары» [Долгих, 1954, с. 48], составляя единую этнотерриториальную общность.

При царской администрации хурхуты пребывали в составе Коймарского, Тункинского и Китойского инородных ведомств, Торской и Харбятской инородных управ Иркутского округа, а также Закаменской инородной управы Селенгинского округа, где они, очевидно, появились позже [Токарев, 1939, с. 113]. Территория тогдашнего расселения хурхутов совпадает с ареалом их современного обитания в пределах хонгодорского региона – в Аларском и Тункинском районах, где они проживают в селеньях Куркут и Шулута соответственно, а также в ряде населенных пунктов Закаменского района. Жившие прежде по Китую хурхуты откочевали с этих мест в связи с наплывом пришлого населения. Что касается Оки, там обитают представители рода уляба, являющегося, как уже говорилось, ответвлением рода хурхут.

Возможно, территория кочевий хурхутов не ограничивалась рамками Саяно-Приангарского региона. Так, обнаруживается хотогойтоский след в истории хурхутского рода, о чем свидетельствует генеалогический сюжет из рукописи «История происхождения бурят – баруун долоон» Ц. Дамдина. В этом варианте говорится о хурхутах, которые совместно с тэртэевцами уководили во времена халхаско-олетской войны из Хотогойто-Монголии на север под водительством хотогойтоского Торой бодон хошуучи. Торой бодон поселился в местности, которая сейчас по его имени называется Торо (с. Торы Тункинского района). Переселившись на территорию Присаянья, тэртэ и хурхут во избежание преследований со стороны монгольских ханов приняли этноним буряты. Здесь они укоренились и размножились. По происхождению своему они, по мнению автора рукописи, относятся не к халха-монголам, а к западным монголам – ойратам, точнее к хотогойтам, которые проживали на территории бывшего Дзасакту-хановского аймака Монголии, где находились кочевья хотогойтов, входивших в состав пяти хотогойто – «таван хотогойд» (ныне на этой территории находятся сомоны Тосон-цэнгэл, Ара булаг, Ихэ булаг, Мурэн – центр Хубсугульского аймака) [Галданова, 1992, с. 6-7].

Тем не менее, архаичность и локализация генеалогических мифов и легенд хурхутов относит их происхождение к Приангарью. Старинную окраску имеет генезис рода уляба, генетически родственного хурхутам и имеющего выразительные параллели в ойратском генеалогическом фольклоре. Все это косвенно еще раз подтверждает автохтонность рода хурхут, а некоторые исследователи не без основания [Санжеев, 1983, с. 87, 93] возводят данный этноним к названию древнего прибайкальского племени – курыкан.

Таким образом, хурхуты как родовая единица, судя по приведенным выше фольклорным данным, относятся к наиболее древнему пласту этнических образований Саяно-Приангарья. В их легендарной генеалогии также как в целом в этногенезе присаянских бурят и их этнонимах отразились, как в капле воды, сложные исторические процессы, происходившие в Центральной Азии и сопредельных с нею районах. Вместе с тем необходимо отметить, что хурхуты являются органичной частью так называемого «хонгодорского массива» (определение Ц.Б. Цыдендамбаева) или бурят Саяно-Приангарья, которые, несмотря на разнообразие их этнического состава и вариативность генеалогических линий, представляют на сегодня единое целое в этнокультурном и языковом отношении.

Литература

- Абашеев Д.А. Тункинский говор // Исследование бурятских говоров. Вып. 1. (Труды БКНИИ, Вып. 17). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1965. С. 3-35.
- Балдаев С.П. Бурят арадай аман зохоолой түүбэри. Улан-Удэ: Бурядай номой хэблэл, 1960. 410 с.

- Галданова Г.Р. Закаменские буряты. Новосибирск: «Наука» Сибирское отделение, 1992. 172 с.
- Долгих Б.О. Некоторые данные к истории бурятского народа // Советская этнография, 1954, № 1. С. 38-63.
- Дугаров, 1993 – Дугаров Б.С. Личный архив. Материалы о происхождении тункинских бурят в записи В.А. Михайлова.
- Дугаров Б.С. О происхождении окинских бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1983. С. 90-101.
- Очир А. Хотгойдын угсаа хамаадлын асуудалд // Угсаатан судлал. Улаанбаатар: Эрдэм шинжилгээний хэвлэлийн газар, 2001. С. 90-98.
- Потанин Г.Н. Очерки Северо-западной Монголии : Вып. 4. СПб.: тип. В. Киришбаума, 1883. 1022 с.
- Пурэвжав С. Хотгойдын угсаа гарал ба түүхийн асуудалд (XVI-XIX зуун). Улаанбаатар: Эрдэм шинжилгээний хэвлэлийн газар, 1970. 140 с.
- Санжеев Г.Д. Заметки по этнической истории бурят // Современность и традиционная культура народов Бурятии. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1983. С. 81-108.
- Токарев С.Н. Расселение бурятских племен в 17 веке // Записки БМГНИИЯЛИ. Вып. 1. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1939.
- Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: Фаир-пресс, 2001. 444 с.